

СКИФЫ В АФИНАХ

Одной из важнейших черт античной цивилизации, наряду с гражданским строем собственного общества и рабством иноплеменников, было непрерывное интенсивное взаимодействие с окружающим миром, с варварской периферией. Само становление классической цивилизации городских гражданских общин свершилось впервые в Греции в архаический период (VIII–VI вв. до н.э.) в значительной степени за счет этой периферии. В рамках так называемой Великой колонизации греки выводом в дочерние поселения собственного избыточного населения решили труднейшую социально-экономическую проблему, порожденную общей диспропорцией между все умножающимся количеством населения и фондом пригодной для обработки земли, усугубленную, вдобавок, неравномерным распределением собственности. Одновременно с этим колониальным внедрением в земли варварской периферии они, прямым захватом или неэквивалентным обменом, доставили своим городам необходимые продукты и сырье, а также дешевую рабочую силу – рабов. Можно сказать, что античный мир возрос, а затем и продолжал свое существование на основе самой бесцеремонной эксплуатации варварской периферии.

Однако, верное по своей главной сути, это положение не должно исключать и более широкого взгляда на отношения античности с миром варваров как на своего рода взаимодействие, в котором варвары выступали не только как объект эксплуатации, но и как – в известных пределах – контрагент, со своей стороны проявлявший интерес к греко-римскому миру, впитывавший некоторые элементы античной культуры, более того, проникавший в систему этого мира и даже влиявший на отдельные стороны его жизни.

При этом речь идет не только о таких, по-своему, высококультурных народах, как египтяне, финикийцы или евреи на Востоке и кельты на Западе, но и о более отдаленных и более примитивных скифах. С последними античность обычно связывала представления о наиболее варварском быте (ср., к примеру, распространенное мнение – своего рода *locus communis* – об особенном пьянстве скифов), практическом отсутствии социальной, политической и интеллектуальной культуры и соответственной жестокости и неукротимости при военных столкновениях. Однако та же античность знала и о более или менее плодотворных попытках приобщения по крайней мере отдельных представителей скифской знати к культуре и образу жизни эллинов – полуполюгендарного Анахарсиса в VI в., вполне исторического Скила в V в. и хорошо известных строителей Скифского государства в Крыму Скилура и Палака во II в. до н.э.

Особенно интересно в этом плане присмотреться к взаимоотношениям, существовавшим между скифами и признанным центром политической и культурной жизни греков – Афинами. При этом мы имеем в виду не столько внешнюю историю, – ибо об отношениях Афин со Скифией на государственном уровне, и в частности о попытках прямого вторжения афинян в скифские земли, нам практически ничего не известно, – сколько внутреннюю жизнь одного из ведущих полисов Эллады. Оказывается, при ближайшем рассмотрении, что скифский элемент играл в жизни афинского общества и государства весьма заметную роль, вполне заслуживающую специального изучения. Занятие это может оказаться тем более увлекательным, что с явлением скифов в афинской жизни связан ряд спорных вопросов или даже прямых загадок, способных дополнительно стимулировать интерес исследователя.

В самом деле, следы присутствия скифского элемента в Афинах отчетливо обнаруживаются уже в архаический период. Материал доставляет археология: это многочисленные афинские черно- и краснофигурные вазы времени поздней архаики или ранней классики, одним из мотивов росписи которых является изображение

скифского стрелка из лука. Первым примером может служить знаменитая ваза Франсуа – чернофигурный кратер работы Эрготима и Клитгия (около 570 г. до н.э.), украшенный несколькими поясами изображений на темы сказаний об Ахилле и Тесеe¹. На верхнем поясе, в сцене охоты на Калидонского вепря, наряду с другими воинами изображены три лучника в характерных «скифских» остроконечных шапках, с приписанными рядом именами Εὐρύμαχος, Κίτιγιος и Τόξαμος, из которых первое – чисто греческое, но два других – варварские, определенного, так сказать, скифо-киммерийского извода. И вооружение, и головные уборы, и эти имена лучников, изображенных на вазе Франсуа, выдают известную осведомленность художника, который мог опираться не только на весьма еще смутные представления героического эпоса (ср. упоминания у Гомера о киммерийцах [Od. XI. 14] и обычно отождествляемых со скифами гиппемолгах [Il. XIII. 5–6]), но и на более конкретное историческое предание о вторжениях не в столь уж давнее время (в VII в. до н.э.) северо-восточных кочевников – киммерийцев и скифов – в заселенные греками земли Западной Малой Азии (ср. Callin. fr. 3 Diehl³).

Если, как бы то ни было, изображения на вазе Франсуа в целом выдают ориентацию на древнюю ионийскую традицию, то позднейшие (от последней трети VI в. до н.э.) аналогичные рисунки на чернофигурных вазах, представляющие так называемых скифских лучников, ориентируются, как кажется, на современную художникам реальность, откуда они черпают необходимые им типы воинов и детали их вооружения и костюма. Без труда можно подобрать целый ряд таких рисунков, где, независимо от сюжета, представлен один и тот же тип стрелка из лука, в полном уже (в отличие от вазы Франсуа) характерном скифском облачении: в остроконечной шапке, в коротком полукафтани и длинных штанах, плотно облегающих тело и нередко расшитых каким-либо орнаментом, с колчаном на левом боку, с луком, а иногда и топориком (σάγχις) в руках. Перечислим некоторые, наиболее эффектные из этих изображений (подборка сделана нами по известным пособиям Дж. Бордмана с добавлениями по специальной статье А. Плассара)²:

– на чаше (художник Амасис): стойло с конями, над крайним левым конем – маленькая фигурка скифского стрелка, натягивающего лук (Boardman, ABV, il. 83);

– на амфоре (художник Антимен): отправление двух воинов-гоплитов на войну, со сценой экстипиция (рассматривания внутренностей жертвенного животного), слева – мальчик с печенью закланного животного, справа – скифский стрелок (Boardman, ABV, il. 187);

– на амфоре: Диомед и Гектор, обозначенные соответствующими надписями, в гоплитском вооружении, сражаются над поверженным скифским стрелком, над которым надписано Σκύθες (Скиф) (Plassart, fig. 1);

– на чаше: Гектор и Аякс, сын Теламона, обозначенные надписями, в гоплитском вооружении, сражаются при поддержке других воинов, причем с каждой стороны в схватке участвуют еще по два гоплита, одному скифскому стрелку и по два (справа – три) всадника (Plassart, fig. 2);

– на амфоре: Аякс с телом Ахилла в сопровождении другого гоплита и скифского стрелка, впереди слева – старик и женщина (Plassart, fig. 3);

– на амфоре: отправление воина-гоплита на войну, рядом с ним – скифский стрелок, по бокам – мужчина и женщина (очевидно, родители), у ног воинов – собака (Plassart, fig. 5);

– на чаше: по внутреннему кругу – военная процессия, состоящая из 24 гоплитов и 18 скифских стрелков, с колесницей в центре, на которой стоят двое бородатых

¹Подробное описание вазы Франсуа см. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М., 1953. С. 124–131; Minto A. Il Vaso Francois. Firenze, 1960. Изображения: Furtwängler A., Reichhold K. Griechische Vasenmalerei. Bd. I. München, 1904. Taf. 1–3, 11–13; Boardman J. Athenian Black Figure Vases. L., (1974) 1985. 46 (1–8).

²Boardman. Athenian Black Figure Vases; *idem*. Athenian Red Figure Vases. The Archaic Period. L., (1975) 1985. Ср. также Plassart A. Les archers d'Athènes // REG. XXVI. № 117. Avril-juin 1913. P. 151–213.

мужчин: один, на переднем плане, держащий поводья и вдобавок сжимающий в правой руке два копыя, а за ним другой, с длинной бородой клином, возможно, старший по возрасту, оба в длинных хитонах, доходящих до щиколоток, а передний (это видно отчетливо) еще и в накинутом сверху плаще; в центре круга (на днище сосуда) – Дионис на коне с двумя сатирами (Plassart, fig. 6);

– на амфоре: две пары воинов, повернутые влево, в каждой паре – гоплит и скифский стрелок (Plassart, fig. 7);

– на амфоре: две пары всадников (в правой один из всадников – скифский стрелок, вооруженный двумя копьями) сражаются над поверженными скифским стрелком и гоплитом (Plassart, fig. 8).

Этот ряд продолжают аналогичные изображения на краснофигурных вазах так называемого строгого стиля (от времени между правлением Писистратидов и окончанием Персидских войн, т.е. примерно от 520 до 475 г.):

– на блюде (художник Пасеас): молодой всадник в скифском костюме и вооруженный с надписью Μιλτιάδης καλός (красавчик Мильтиад), благодаря которой во всаднике хотят видеть Мильтиада Младшего перед его отъездом на Херсонес Фракийский около 515 г. (Boardman, ARV, il. 17; ср. Plassart, fig. 10);

– на блюде (художник Эпиктер): бегущий скифский стрелок (Boardman, ARV, il. 77);

– на амфоре (художник Клеофрад): отправление воина-гоплита на войну, со сценой экстиспиция, слева – мальчик с печенью закланного животного и скифский стрелок с боевым топориком, справа – женщина с собакой (Boardman, ARV, il. 129).

Заклучим этот ряд примеров еще одним изображением на вазе смешанного черно-краснофигурного стиля:

– на чаше (художник Андокид): наряду с другими идущими по кругу изображениями представлены два скифских стрелка, с луками в руках, стоящие лицом друг к другу по разные стороны небольшого деревца, и еще один скифский стрелок с колчаном на боку и трубой-салпингой, прижатой ко рту (Boardman, ABV, il. 160).

Изображения воинов – как несомненно греческих гоплитов, так и так называемых скифских стрелков – во всех приведенных случаях отличаются выразительной четкостью и видимой реалистичностью. В частности, изображения стрелков вполне соответствуют тому скифскому типу, который хорошо нам известен по описаниям античных авторов (см. в этой связи: Herod. VII. 64) и из памятников изобразительного искусства, происходящих из зоны непосредственных греко-скифских контактов – из Северного Причерноморья (сошлемся на реалистические рельефные изображения скифов на знаменитой электровой вазе из кургана Куль-Оба). Это рано дало повод предполагать действительное присутствие скифских лучников в Афинах в VI в. до н.э.: в них усмотрели, по аналогии с фракийцами, скифских наемников на службе древних афинских тиранов – Писистрата и его сыновей. Предположение это обрело дополнительную убедительность после того, как представленное на чернофигурной чаше изображение военной процессии с колесницей и парой бородатых мужчин в центре (см. выше) один из исследователей остроумно истолковал как зарисовку военного смотра своей гвардии, проводившегося Писистратом или Гиппием³.

³Предположение о скифских наемниках на службе Писистратидов было высказано К. Вернике (*Wernicke K. Die Polizeiwache auf der Burg von Athen // Hermes. 1891. XXVI. S. 67*) и поддержано Г. Бузольтом (*Busolt G. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd II. Gotha, 1895. S. 326. Anm. 1; ср. также Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd II. München, 1926. S. 862. Anm. 5*). С интерпретацией сценки на чернофигурной чаше как военного смотра при Писистратиде выступил В. Хельбиг (*Helbig W. Eine Heerschau des Peisistratos oder Hippas auf einer schwarzfigurigen Schale // Sitzungsber. der Bayer. Akad. der Wiss. zu München. Philos.-phil. und hist. Kl. Jg 1897. Bd II. 1898. S. 259–320*). Среди тех, кто принял версию о скифских лучниках на службе Писистратидов: *Oehler J. Skythai 2 // RE. 2. Reihe. Bd III. H1bd 5. 1927. Sp. 692; Cornelius F. Die Tyrannis in Athen. München, 1929. S. 63 f.; Schachermeyr F. Peisistratos 3 // RE. Bd XIX. H1bd 37. 1937. Sp. 177; Hommel H. Toxotai 2 // RE. 2. Reihe. Bd VI. H1bd 12. 1937. Sp. 1857; Vos M.F. Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting. Groningen, 1963. P. 61–69; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 220. В русской литературе: *Жебелёв С.А. Боспорские этюды. II. Афины, Нимфей и измена Гелона (1935) //: он же. Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 180; Браишинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 28, 30.**

С тех пор мнение об использовании афинскими тиранами скифских лучников в качестве личной охраны обрело многих сторонников и, можно сказать, укоренилось в современной историографии. Тем не менее полной уверенности в правильности этого мнения не может быть, поскольку этому противоречит целый ряд обстоятельств.

Во-первых, не все убеждает в этом плане в приведенном иллюстративном материале: на некоторых рисунках стрелки представлены вместе с гоплитами в тесной связи и в обыденной обстановке (см. сцены с отправлением воинов на войну), что создает впечатление какой-то личной связи; с другой стороны, у стрелков только наряд и вооружение скифские, тогда как их лица не выдают ничего экзотического, ничего варварского, полностью соответствуя обычному эллинскому типу.

Во-вторых, странно в этой связи полное молчание литературной традиции об использовании Писистратом или его сыновьями отрядов скифских стрелков. Между тем эта традиция достаточно богата: древние авторы упоминают и о первоначальной личной охране Писистрата, так называемых дубинщиках (*κορυιφόροι*), отряд которых был сформирован по решению народного собрания (Herod. I. 59; Arist. Ath. pol. 14. 1; Plut. Sol. 30, 3, 5; Polyae. I. 21. 3) и о наемниках (*μισθωτοί, ἐπίκουροι*), наварбованных им на заключительном этапе борьбы за власть отчасти в Аргосе (Herod. I. 61; Arist. Ath. pol. 17. 4), отчасти же во Фракии, в тех местах у Пангея, где он владел золотыми рудниками (Arist. Ath. pol. 15. 2; возможно, также Herod. I. 64); и о тех наемных телохранителях (*ἐπίκουροι, δορυφόροι*), которые обеспечили беспрепятственное унаследование власти сыновьями Писистрата и были защитой Гиппию во время заговора Гармония и Аристоклитона (Thuc. VI. 55–58; Arist. Ath. pol. 18. 4; Polyae. I, 22).

Более того, древние писатели знают даже о такой подробности, как вербовка афинскими тиранами для своей личной охраны возмужалых рабов (*τοὺς ἀκμάζοντα τῷ οὐκ ἐτῶν*), которые прозывались «волчьеногими» (*λυκόποδες*) то ли потому, что обертывали ноги в волчьи шкуры, то ли потому, что носили на своих щитах эмблему волка (Arestoph. Lys. 665; Aristot. fr. 394 Rose³ [Schol. in Aristoph. L.c.; Phot. и Suid. S.v. *λυκόποδες*]). Но нигде в античной традиции мы не найдем ни одного упоминания о скифских стрелках – купленных или нанятых за плату – на службе у Писистрата или его сыновей, а попытка извлечь какой-то намек на это из упоминаний о найме Писистратом солдат на фракийском побережье не может рассматриваться иначе, чем догадка, не имеющая обязательной силы⁴. Поэтому, сколь бы частыми ни были в новейшей научной литературе заявления о возможном использовании Писистратидами отрядов скифских стрелков, показателен общий историографический итог: в наиболее солидном труде о греческой тирании – у Г. Берве – о такой возможности даже не упоминается⁵, а в только что появившейся монографии Лоретаны Де Либери, ведущей постоянную полемику с этим своим важнейшим предшественником, об этой возможности говорится лишь в примечании, нерешительно и с каким-то отстранением, как о мнении, все более распространяющемся в литературе, но и только⁶.

Но если версия о скифской гвардии Писистратидов кажется сомнительной, то как же все-таки объяснить столь частое использование сюжета со скифскими стрелками в афинской вазописи времени поздней архаики? Здесь являются две возможности, выбор между которыми представляется достаточно трудным. Одна возможность – принять мнение французского исследователя А. Плассара, который признавал реалистичность изображений скифских стрелков на афинских черно- и краснофигурных сосудах, но видел в этих персонажах не скифских солдат на службе древних тиранов, а воинвогиперетов (*ὑπηρέται*), выполнявших, скорее в порядке личной связи, какие-то вспомогательные функции при гоплитах: сопровождавших их на походе в качестве ординарцев, действовавших в сражении под прикрытием их щитов, заботившихся об их

⁴На этом основании, т.е. ввиду отсутствия свидетельств античной традиции, гипотезу К. Вернике отвергал уже С. Вашинский (*Waszynski S. De servis Atheniensium publicis. B., 1898. P. 26–28*).

⁵Ср. *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I–II. München, 1967 (I. S. 52, 66; II. S. 547, 556)*.

⁶*De Libero L. Die archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996. S. 65. Anm. 125.*

лошадях (поскольку в древнюю пору гоплиты могли выступать в поход и на конях) и т.п.⁷

При этом, по мнению Плассара, в этих гиперетах, учитывая эллинский тип их лиц, надо видеть не скифов, а тех же афинян, воспринявших через ионийское посредство скифский наряд и вооружение. «Какие-нибудь сыновья знатных семей, – заключает он, – возымели в один прекрасный день фантазию присвоить себе блестящий костюм и вооружение скифских гиппоксотов, и, вероятно, в силу моды эта экипировка, как кажется, получила достаточно широкое распространение»⁸. Что же касается надписи «скиф», стоящей над изображением поверженного стрелка, представленного в полном скифском облачении на одном из чернофигурных сосудов (см. выше), то, по мнению Плассара, «возможно, что слово "скиф" стало своего рода общим наименованием, обозначающим всех *hyperetai*, носивших такой костюм»⁹.

Таким образом, вместо целостного корпуса скифских солдат, состоявшего на службе афинских тиранов, появляются комплектовавшиеся из самих афинян и персонально связанные с теми или иными гоплитами воины-гипереты. Эта версия Плассара удачно объясняет бросающиеся в глаза особенности изображения так называемых скифских стрелков на афинских расписных сосудах – их, так сказать, дисперсность (за вычетом сценки с процессией они изображаются порознь или в связке с отдельными гоплитами) и обыденность обстановки, в которой они выступают. Что касается возможности усвоения такими афинскими стрелками скифского наряда, то в этом предположении Плассара, несмотря на ироническое отношение к нему Де Либерио¹⁰, нет ничего невозможного: носили же французские стрелки экзотический костюм арабов-зуавов, а русские кавалерийские офицеры – наряд кавказских горцев – черкеску! В этой связи отличным подтверждением предположения Плассара могло бы быть упоминавшееся выше изображение молодого всадника в скифском наряде работы художника Пасеаса, если считать (а это представляется вполне естественным), что стоящая рядом надпись *Μιλτιάδης καλός* относится именно к этому всаднику.

Тем не менее при всем остроумии гипотезы Плассара нельзя закрывать глаза и на некоторые ее слабости, в частности, на неубедительность ссылки на эллинский тип лица у изображаемых на афинских вазах скифских стрелков (как будто вазопись того времени умела различать этнические типы лиц!), а главное – на видимую парадоксальность главного допущения – скифского наряда для афинских стрелков, каковая трудность, конечно же, не снимается только что приведенными историческими параллелями. Тогда остается еще одна возможность для истолкования названных изображений – признать их одним из типовых сюжетов, одним из *loci communes* греческой вазовой живописи времени поздней архаики и ранней классики, которая могла культивировать, наряду со многими другими, также и тему скифских стрелков, отчасти в русле представлений героического эпоса, отчасти же, и еще больше, под влиянием исторических и художественных импульсов, шедших из Ионии¹¹.

Таким образом, проблема конкретного истолкования изображений скифских стрелков на афинских черно- и краснофигурных вазах остается нерешенной. Однако это не лишает их исторического значения: в любом случае они могут рассматриваться как свидетельство присутствия скифской темы в жизни афинского общества на исходе архаического времени. Да и априори следовало бы этого ожидать ввиду не только эпических или исторических ионийских воздействий, но и развития связей Афин с Причерноморьем в особенности благодаря активной внешней политике и по крайней мере начавшемуся уже афинскому утверждению в зоне проливов при Писистратидах.

Напомним в этой связи о первых шагах афинян в сторону Понта Эвксинского, северной каймой которого была Скифия, – о захвате им как раз в VI в. до н.э. важных

⁷*Plassart*. Op. cit. P. 172 suiv.

⁸*Ibid.* P. 175.

⁹*Ibid.* P. 174.

¹⁰*De Libero*. Op. cit. S. 65. Anm. 125.

¹¹*Plassart*. Op. cit. P. 175–181.

позиций в Геллеспонте: на азиатском берегу – Сигея (в Троаде, у самого входа в пролив), а на европейском – всей полосы Херсонеса Фракийского. Сигеем они овладели впервые еще на рубеже VII–VI вв., около 600 г. до н.э., и тогда же вывели туда свою колонию. За обладание этим важным стратегическим пунктом им пришлось выдержать длительную борьбу с соседней Митиленой. Призванный в качестве посредника коринфский тиран Периандр присудил Сигей афинянам (Herod. V. 94–95; Arist. Rhet. I. 15. P. 1375 b 31; Strabo. XIII. 1. 38–39. P. 599–600; эпиграфическое подтверждение ранней афинской колонии в Сигее – стела Фанодика, Syll.³ I. № 2). Затем митиленцы все же отобрали его у афинян, но Писистрат вновь овладел этой местностью, вывел туда новую колонию и поставил там правителем одного из своих сыновей – Гегесистрата (Herod. V. 94). Сигей оставался как бы доменом семьи Писистратидов, и позднее, после падения тирании в Афинах, Гиппий нашел там убежище (Herod. V. 65. 91. 94; Thuc. VI. 59. 4)¹².

Что же касается Херсонеса Фракийского, то там сначала с согласия Писистрата обосновался с группой афинских колонистов Мильтиад, сын Кипсела, из рода Филаидов (Herod. VI. 34–38), а затем, с согласия уже сыновей Писистрата – его племянник Мильтиад, сын Кимона (ibid. 39). Последний превратился в настоящего владетельного князька-тирана, вынужденного, впрочем, подчиниться персам. Ему суждено было вступить в непосредственное соприкосновение со скифами (отголоском чего могло быть все то же изображение на блюде, расписанном Пасеасом)¹³. В 513/2 г. он, наряду с другими греческими тиранами – вассалами или сателлитами персидского царя, участвовал в скифском походе Дария I и, оставленный вместе с другими сторожить мост через Истр, советовал будто бы взять призывам скифов и разрушить переправу (Herod. IV. 137). Позднее, после отступления Дария из Скифии, ввиду ответного вторжения скифов во Фракию Мильтиад должен был оставить свое княжество, но после ухода скифов сумел-таки вернуться и вновь обосноваться на Херсонесе, пока, наконец, карательные акции персов (после подавления Ионийского восстания) не заставили его окончательно покинуть Херсонес и вернуться в Афины (Herod. VI. 40–41. 104)¹⁴.

Развязанное инициативой аристократических лидеров – тиранов и их соперников, но обусловленное, в конечном счете, глубинными государственными интересами проникновение афинян в VI в. в зону проливов было важной предпосылкой последующей активизации их торговой и политической деятельности в Причерноморье, включая и его северное побережье¹⁵. Подтверждением этому служит стремительно возрастающее количество находок в северопричерноморских центрах афинских керамических изделий, в том числе и чернофигурных (с середины) и краснофигурных расписных ваз (с конца VI в. до н.э.)¹⁶. Напомним о таких роскошных образцах афинского художественного импорта, как найденные на Боспоре чернофигурная амфора с изображением битвы лапифов с кентаврами, чернофигурная псевдопанафинейская амфора с фигурой Афины Паллады между двумя петухами, восседающими на высоких колоннах, чернофигурная пелика с изображением связанного силена между двумя воинами (все от VI в.), обломок краснофигурной вазы так называемого строгого стиля с изображением Менелая и Елены (от конца того же столетия), наконец, найденная в станице Елисаветинской (на азиатском Боспоре) великолепная панафинейская амфора

¹²О захвате афинянами Сигея подробнее см. *Bengtson H. Griechische Geschichte*. 4. Aufl. München, (1950) 1969. S. 121 f., 138 f.; *Berve. Die Tyrannis...* Bd I. S. 21, 62, 71; II. S. 527, 553 f., 561; *De Libero. Op. cit.* S. 91–93, 168 f., 381.

¹³Ср. *Berve. Die Tyrannis...* Bd I. S. 83; II. S. 568 f. (с оговоркой что изображенный на блюде юный всадник – едва ли сам Мильтиад).

¹⁴Об утверждении афинян на Херсонесе Фракийском и роли в этом процессе обоих Мильтиадов см. *Bengtson. Op. cit.* S. 138, 140; *Berve. Die Tyrannis...* Bd I. S. 48, 68, 79–85; II. S. 544, 555, 564–569; *De Libero. Op. cit.* S. 331–352.

¹⁵Ср. *Лурье С.Я. История Греции*. Изд. 2-е. СПб., 1993. С. 181 сл., 204 сл.

¹⁶*Блаватский. Ук. соч.* С. 260 слл.

с изображением Афины Паллады (также между восседающими на колоннах петухами) и сцены кулачного боя (от конца следующего столетия). Весь этот материал смыкается с представленными выше данными о скифском мотиве в аттической вазописи и со своей стороны подтверждает естественность интереса к скифской теме в Афинах в эпоху поздней архаики¹⁷.

Дополнительным важным свидетельством в этом плане является деятельность афинского вазописца, мастера росписи в основном на краснофигурных сосудах, который подписывал свои рисунки именем Скиф¹⁸. Время его творчества определяется приблизительно между 520 и 505 годами до н.э.¹⁹ Известны четыре сосуда и две вотивные пластинки с изображениями, подписанными его именем, и еще около двадцати ваз, рисунки на которых приписываются этому мастеру с большой долей вероятности. Росписи его отличаются высоким профессионализмом и особенным, характерным именно для него, чувством грубоватого юмора, сквозящим в особенности в трактовке лиц и поз изображаемых персонажей (например, в подписанных им изображениях на чашах – Геракла, преподносящего Эврисфею эриманфского вепря, или Тесея, карающего мегарского разбойника Скирона).

Особый интерес вызывает имя художника. Дважды он подписывается простой формулой: Σκίφες ἑυράφσειν – «Скиф расписал»; один раз дополнительно ставит перед своим именем (определенный) артикль ὁ, а еще раз, на вотивной чернофигурной пластинке, помещает более пространную надпись: Σκίφες μ' ἀν[έθεκε γράφσας] – «Скиф меня посвятил, расписав». Кроме того, на двух из четырех известных нам с его подписью краснофигурных ваз им проставлено имя своего любимца Эпилика (Ἐπίλικος καλός), известного в ту пору афинского атлета, привлекавшего к себе внимание и других вазописцев.

Разумеется, имя Скиф, усвоенное мастером-вазописцем, допускает различные истолкования: это могло быть прозвище, данное художнику по его происхождению или за грубоватую манеру рисунка, но это могло быть и его натуральное имя, поскольку у греков нередким было давать имена своим детям, в силу каких-то ближе нам не известных причин, по этническим обозначениям соседних народов. Имя Скиф, во всяком случае, было нередким; например, у Геродота упоминается греческий тиран с таким именем, правивший сначала на Косе, а потом в Занкле (Herod. VI. 23–24; VII. 163), а в одной из речей Демосфена (XLV.8) среди свидетелей фигурирует несомненный афинянин – Скиф, сын Гарматея, из дема Кидатены. Учитывая несомненную эллинскую выучку нашего художника и его открыто заявленную вовлеченность в куртуазную жизнь Афин, мы склонны были бы считать его греком и, более того, афинянином. Упорное стремление некоторых исследователей видеть в этом вазописце прирожденного скифа²⁰ не вызывает у нас особого сочувствия. Тем более не вызывает согласия мнение о его рабском статусе²¹: ни имени Скиф, ни даже наличия в одном случае артикля перед ним не достаточно для такого вывода, между тем как открытое заявление мастера о своем авторстве скорее свидетельствует о его свободном состоянии.

Как бы то ни было, мы обязаны считаться с самим фактом появления имени Скиф среди имен или прозвищ афинских вазописцев времени поздней архаики: в нем нельзя не видеть подтверждения обозначившейся в ту пору скифской ноты в жизни афинского общества. Она звучит еще в росписях краснофигурных ваз на рубеже VI–V столетий,

¹⁷ Ср. Waszynski. Op. cit. P. 28 f.

¹⁸ Rizzo G.E. Il ceramografo Skythes // *Monuments et Memoires (Fondation E. Piot)*. 1913. XX. P. 101–153; *Nachod H. Skythes 2 // RE*. 2. Reihe. Bd III. Hlbd 5. 1927. Sp. 694–696; Boardman. *Athenian Red Figure Vases...* P. 59–60. II. 88–91.

¹⁹ Датировка по Дж. Бордмену.

²⁰ Ср. *Nachod. Skythes 2*. Sp. 694; *Scheibler J. Skythes // Lexikon der Antike*. III. Kunst. Bd 2. (1965). 1970. S. 262; *Gross W.H. Skythes 3 // Der Kleine Pauly*. Bd 5. (1975). 1979. Sp. 243.

²¹ Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 306; *Брагинский. Афины...* С. 30.

а затем замирает, но лишь для того, чтобы уступить место новой аналогичной ноте, но теперь уже в письменной литературной традиции – в свидетельствах древних авторов о существовании в классических Афинах государственных рабов-скифов, выполнявших функции полицейских.

Впрочем, не исключено, что уже в аттической вазописи начала V в. можно обнаружить первые указания на существование в классических Афинах таких скифов-полицейских. Мы имеем в виду краснофигурную чашу строгого стиля с изображениями двух групп сатиров, пристающих к богиням Гере и Ириде, работы мастерской Брига²². Ирида отбивается от сатиров перед лицом возмущенного, но ничего не предпринимающего Диониса, а за Геру заступаются Гермес и Геракл. Последний помимо обычных своих атрибутов – львиной шкуры и палицы, зажатой в правой руке, облачен в типично скифский наряд – плотно прилегающие к телу пестрые штаны и кафтан; с левого бока (как это обычно у скифов) у него свисает колчан, а в левой же руке, угрожающе вытянутой вперед, он сжимает лук. И поза, и наряд Геракла подсказывают мысль, что здесь художник копировал популярную в Афинах фигуру скифа-полицейского.

Имя владельца мастерской (и условное наименование художника) Βρύουος – фракийского происхождения (ср. наименование одного из фракийских племен – Βρύουοι или Βρύυες), и, конечно же, было бы соблазнительно связать проявившееся в изображении Геракла увлечение скифской темой с возможным происхождением вазописца из соседней со Скифией страны. Впрочем, мы уже указывали выше, как рискованны всякие предположения, отталкивающиеся от чужеземной формы имени. Подчеркнем другое: деятельность мастера Брига падает на 80-е – 70-е годы V в.²³, что может дать веку в определении времени формирования в Афинах полицейской службы из скифов. Однако это уже другая глава из истории скифов в Афинах; источниками для нее служат главным образом данные письменной традиции, к которым нам и надлежит теперь обратиться.

Ключевым местом здесь является пассаж в речи афинского оратора Андокида «О мире с лакедемонянами» (III. 3 слл.), произнесенной в разгар так называемой Коринфской войны, в 391 г. до н.э. Андокид был одним из полномочных афинских послов, ведущих в Спарте переговоры о мире; выступая перед согражданами с призывом к скорейшему заключению мира, он обращается к примерам из прошлого, доказывая, что во все времена афинская демократия только выигрывала от заключения мира со Спартой. «Так вот, – начинает он свое историческое отступление, – когда-то у нас была война на Эвбее, мы держали в своих руках Мегары, Пеги и Трезену и стремились заключить мир. С этой целью мы возвратили Мильтиада, сына Кимона, изгнанного остракизмом и находившегося в Херсонесе: он был прокшеном лакедемонян, и мы рассчитывали послать его в Лакедемон для переговоров о мире. (4) Мы заключили тогда с лакедемонянами мир на пятьдесят лет, и обе стороны соблюдали этот договор в течение тринадцати лет. Посмотрим, афиняне, прежде всего вот на что: в течение этого мира была ли когда-нибудь ниспровергнута в Афинах демократия? Никто не посмел был этого утверждать. А какие выгоды принес этот мир! Я напомню вам о них. (5) Прежде всего за это время мы обнесли укреплениями Пирей и закончили сооружение северного участка Длинных стен. Вместо бывших тогда у нас старых и неоснащенных триер, с помощью которых мы разгромили на море царя и его варваров и освободили эллинов, – вместо этих кораблей мы построили сто новых триер. Тогда же впервые мы организовали корпус из трехсот всадников и купили триста скифских лучников (καὶ τοξότας τριακοσίων Σκύθας ἐπιδάμεθα). Вот какие выгоды получило государство, вот как усилилась афинская демократия от заключения мира с лакедемонянами!».

Аутентичность этого пассажа, который, кстати, полвека спустя почти дословно был

²² См. Блаватский. Ук. соч. С. 188, 190 (рисунок сцены с Герой); Boardman. Athenian Red Figure Vases... P. 135–136. II. 252, 1–2.

²³ Датировка по Дж. Бордмену.

скопирован Эскином в его речи «О преступном посольстве» (II. 172 sqq.), не вызывает сомнений²⁴. Зато бросаются в глаза исторические несообразности: остракизму был подвергнут не Мильтиад, а его сын Кимон; именно при посредничестве этого последнего в 451 г. был заключен мир между Афинами и Спартой, но не на 50, а на 5 лет, и длился этот мир не 13 лет, а всего лишь 4 года; и самая война, в ходе которой было заключено это перемирие, началась, в частности, борьбой не за Эвбею, а за Эгину²⁵. Но если на самом деле надо иметь в виду мир, заключенный Кимоном в 451 г., то возникают очередные трудности с приурочиванием ко времени после этого мира всех воследовавших от него, согласно Андокиду, выгод. Во всяком случае, три первых пункта должны быть отнесены к более раннему времени: укрепление Пирея, начатое в архонтство Фемистокла, т.е. в 493/2 г., должно было завершиться до 470 г. (Thuc. I. 93. 3 sqq.; Diod. XI. 41); сооружение Длинных стен было осуществлено приблизительно между 457 и 452 годами (Thuc. I. 107. 1; 108. 3); строительство 100 новых триер было следствием инициативы все того же Фемистокла в 482 г. (Herod. VII. 44 [с ошибочным, по-видимому, указанием числа этих новых кораблей – 200]; Arist. Ath. pol. 22. 7; Plut. Them. 4; Polyae. I. 30. 6)²⁶.

Но если эти три пункта должны быть отнесены к более раннему времени, то кажется естественным так же поступить и с двумя последующими, т.е. с организацией корпуса из 300 всадников и приобретением 300 скифских лучников. Наиболее вероятным временем для осуществления этих дорогостоящих мероприятий будет тогда период стремительного возвышения Афинского государства и роста его благосостояния после решающих побед над персами и образования Делосского морского союза (478/7 г.)²⁷. Дальнейшее уточнение даты этих военных преобразований не представляется возможным, хотя принимаемый некоторыми исследователями 476 год выглядит заманчиво и в силу только что приведенных общих соображений, и ввиду возможной тогда синхронизации учреждения полицейской службы рабов-скифов с исчезновением с афинских ваз изображений скифских стрелков. Если верно, что последние были афинскими воинами, усвоившими скифский наряд, то для них было уже невозможно красоваться в нем после того, как на улицах Афин появились наряженные в такой же костюм настоящие скифы, но *рабы-полицейские*²⁸.

В любом случае, ко времени Аристофана полицейская служба скифов в Афинах

²⁴ Ср. *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. 2. Aufl. Abt. III. Lpz, 1887. S. 296–298, 326–332; *idem.* Argumenta orationum // *Andocides. Orationes.* Ed. III. Lpz, 1906. P. XXII; *Dalmeyda G.* Notice [ad And. or. III] // *Andocide. Discours.* P., 1930. P. 81; *Schmid W., Stählin O.* Geschichte der griechischen Literatur. T1 I. Bd 3. 1. Hälfte. München, 1940. S. 137.

²⁵ По поводу исторических несообразностей в параграфах 3–4 речи Андокида «О мире с лакедонянами» ср. комментарии Ж. Далмейды в его издании речей Андокида (*Andocide. Discours.* P., 1930. P. 139) и наши – в недавно переизданном их переводе (*Андокид. Речи.* СПб., 1996. С. 205). В датировке заключенного при посредничестве Кимона мира 451 годом до н.э. мы следуем за преобладающим в литературе мнением. См. *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Bd I. Strassburg, 1893. S. 487; 2. Aufl. Bd II. Abt. 1–2. Strassburg, 1914–1916 (1. S. 175; 2. S. 201 f.); *Pöhlmann R.* Griechische Geschichte und Quellenkunde. 5. Aufl. München, 1915. S. 152; *Berve H.* Griechische Geschichte. Bd I. Freiburg im Breisgau, 1931. S. 278; *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca–London (1969), 1986. P. 104; *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975. С. 248; *Строгоцкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 212. Предлагают, однако, и другие датировки: 453 г. – *Bengtson.* Op. cit. S. 212; *Will Ed.* Le Monde Grec et l'Orient. T. I. P., 1972. P. 164; 458 г. – *Raubitschek A.E.* Kimons Zurückberufung // *Historia.* 1954/55. Bd III. Ht 4. S. 379 f.

²⁶ *Plassart.* Op. cit. P. 153–154. Для датировки трех названных пунктов ср. также *Bengtson.* Op. cit. S. 162, 191, 203 (укрепление Пирея), 190 f., 202 f. (сооружение Длинных стен), 167 f. (строительство 100 новых триер).

²⁷ Ср. *Böckh A.* Die Staatshaushaltung der Athener. 3. Aufl. Bd I. B., 1886. S. 263; *Caillemet E.* Demosioi // *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines / Ed. par Ch. Daremberg, E. Saglio.* T. II. 1-ère partie. 1892. P. 91; *Waszynski.* Op. cit. P. 26; *Куторза М.С.* Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике // *он же.* Собр. соч. Т. I. СПб., 1894. С. 319; *Доватур А.И.* Рабство в Аттике в VI–V вв. до н.э. Л., 1980. С. 48.

²⁸ *Plassart.* Op. cit. P. 154–155, 186–187; *Jacob O.* Les esclaves publics à Athènes. Liège – Paris, 1928. P. 53.

была устоявшимся фактом, неотъемлемой чертой афинской общественной жизни, которую великий комедиограф столь же выпукло отразил в своих произведениях, как и многое другое. В «Ахарнях» (425 г.), «Всадниках» (424 г.), «Лисистрате» (411 г.) и особенно «Фесмофориадзусах» («Женщинах на празднике Фесмофорий», поставленных в том же 411 г.), во всех скандальных сценах мы непрерывно сталкиваемся с присутствием скифов-полицейских, благодаря чему получаем массу дополнительной информации об их функциях и об отношении к ним в тогдашнем афинском обществе. Наряду с Аристофаном важные сведения о скифских лучниках-полицейских доставляют и древние истолкователи – авторы схолиев к пьесам того же Аристофана и лексикографы, в частности Поллукс, Гесихий Александрийский, Фотий, Свида и составитель Большого Этимологика. Комбинируя их данные, мы получаем возможность составить достаточно полное представление как о скифах-полицейских, так и о самом полицейском ведомстве в классических Афинах.

Итак, полицейскую службу в Афинах отправляли рабы-скифы. По свидетельству Андокида, они были куплены Афинским государством, и их статус государственных рабов выражался в их обозначении οἱ δημόσιοι ὑπηρέται (Pollux. VIII. 132; Schol. Aristoph. Ach. 54; Hesych. et al. S.v. τοῦῶται). Что δημόσιοι ὑπηρέται обозначали в обиходе именно рабов на государственной службе, – это выразительно подтверждается древними комментаторами: «Государственный (δημόσιος) – это раб города (ὁ τῆς πόλεως δοῦλος). Использовались некоторые фракийцы, скифы или другие варвары в качестве рабов для службы (πρὸς ὑπηρεσίαν) в судах и в других общественных местах и работах» (Anecdota Graeca. V.I. P. 234 Bekker)²⁹. Именовались они по-разному: то – скифы, то – лучники (τοῦῶται), то – спевсинии (σπευσίνοι). Последнее имя выводили от того ближе нам не известного афинского политика Спевсина, который, по преданию, первым организовал службу скифов-полицейских (Pollux. VIII. 132; Schol. Aristoph. Ach. 54 [с искажением имени]; Suid. S.v. τοῦῶται). Их число первоначально было 300 (так у Андокида), но, судя по тому, что в некоторых позднейших источниках говорится о 1000 скифов-лучников (Schol. Aristoph. Ach. L.c.; Suid. L.c.), не исключено, что их количество позднее и в самом деле было увеличено, что могло быть обусловлено ростом населения и усложнением службы правопорядка в Афинах³⁰. Соответственно и размещались они первоначально в центре городской площади-агоры, в специально разбитых там палатках, но затем, когда агора стала более многолюдной, а количество полицейских возросло, их перевели на Ареопэг (Schol. Aristoph. Ach. L.c.; Suid. L.c.)³¹.

²⁹ См. также Plassart. Op. cit. P. 187. Ср. Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 78; Куторга. Ук. соч. С. 313 слл.; Дованур. Ук. соч. С. 48, 82; Böckh. Die Staatshaushaltung... Bd I³. S. 263; Jacob. Les esclaves... P. 64 ss.; Westermann W.L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955. P. 10.

³⁰ Ср. Waszynski. Op. cit. P. 31; Plassart. Op. cit. P. 188. Оба ученых вслед за М. Дункером (Duncker M. Des Perikles Fahrt in den Pontos // Duncker M. Abhandlungen aus der griechischen Geschichte. Lpz., 1887. S. 158 f.) с большой долей вероятности приурочивают увеличение корпуса скифов-полицейских ко времени Понтийской экспедиции Перикла, когда при посредстве туземных князьков или местных городов можно было закупить большие партии рабов. Дункер датировал Понтийскую экспедицию Перикла 444 годом (op. cit., S. 153), и его мнение вполне разделял Вашингский. Что касается Плассара, то он, приводя мнения других, сам не высказывается на этот счет сколько-нибудь определенно. Напомним, однако, что, согласно наиболее авторитетному мнению, экспедиция Перикла в Понт должна датироваться началом 30-х годов V в. См. Beloch. Griechische Geschichte. Bd I. S. 504, Anm. 1; 2. Aufl. Bd II. Abt. 1. S. 199; 2. S. 216; Busolt. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd III. Tl 1. 1897. S. 585. Anm. 2; Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd IV. Stuttgart – Berlin, 1901. S. 77–79; Брагинский И.Б. Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 110–121; он же. Афины... С. 56 слл.; Строецкий. Полис и империя. С. 164 слл.

³¹ Обычное понимание слов древних грамматиков ὄκειον ἀκροπολιτῆσάκειον – «жили в палатках». Оригинальное мнение было высказано М.С. Куторгой (ук. соч., с. 316 слл.): трудно представить постоянное размещение скифов-полицейских «среди рынка», да еще «в зыбких палатках», а поэтому глагол οἰκεῖν следует понимать в смысле «караулить», «нести караульную службу» и всю фразу истолковывать таким образом, что на агоре, а позднее на Ареопаге помещалась именно «главная караульная», а не жилище полицейских.

И приобретение, и содержание этих служителей обходилось Афинскому государству недешево. Если вслед за А. Бёком принять, что минимальная цена такого раба должна была равняться 3 минам³², то одноактное приобретение 300 скифских лучников должно было обойтись Афинскому государству в 15 талантов, а 1000 человек – в 50 талантов. К этому надо добавить какую-то сумму на их экипировку, допустим, по 50 драм на человека³³; это составит 2,5 таланта на первоначальный корпус и 8,3 таланта – на последующий, доведенный до 1000 человек. Затем, если опять-таки согласиться с Бёком, что на содержание каждого такого лучника государство должно было тратить минимум 3 обола в день³⁴, то содержание 300 скифских лучников должно было обходиться казне в 9,1 таланта в год, а 1000 человек – в 30,4 таланта. Наконец, ежегодно требовалась какая-то сумма для возмещения естественных кадровых потерь; при приблизительной оценке этих потерь в 2,5% от всего состава, на дополнительное приобретение каждый год 15 человек (при общем количестве 300) требовалось еще 0,75 таланта, а на приобретение 25 человек (при общем количестве 1000) – 1,25 таланта. Иными словами, помимо основной затраченной суммы примерно в 17,5 или даже (с учетом последующего увеличения корпуса скифских стрелков) 58,3 таланта Афинское государство должно было тратить на полицейскую службу скифов до 10 или даже 32 талантов в год, что составляло при ежегодных государственных доходах в 1000 талантов (накануне Пелопоннесской войны – Xen. Anab. VII. 1. 27) соответственно до 1 или 3,2%, а при доходах в 2000 талантов (в 422 г. – Aristoph. Vesp. 660) – до 0,5 или 1,6%, – затрата, которую афинский полис мог позволить себе без особых затруднений, лишь пока он находился на вершине могущества и за счет поступлений от союзников располагал богатой казной³⁵.

Скифы-полицейские были стражами порядка в городе (φύλακες τοῦ ἄστεος, Schol. Aristoph. Ach. 54; Suid. s.v. τοῦξται). В частности, в их функции входило следить за порядком в народном собрании и в судах. По указанию должностных лиц они с помощью специального красного (по другому истолкованию – вымазанного красной краской) шнура, сгоняли опаздывающий народ с агоры на собрание (Pollux. VIII. 104)³⁶. Во время заседаний они, опять-таки по приказу магистратов (в народном собрании это были пританы), могли удалять с трибуны выступающих не по делу или в пьяном виде. Они же, по соответствующему приказанию, осуществляли арест, вязали или забивали в колодки, а также доставляли в тюрьму людей, в чем-либо провинившихся перед государством.

Аристофан рисует нам несколько живых сцен с действиями скифов-полицейских. В «Ахарниях» лучники (несомненно скифы) по приказу глашатая (κῆρυξ), в свою очередь выполняющего волю пританов, прогоняют с собрания какого-то полукоридового (по определению А.И. Пиотровского) Амфитея, утверждавшего, что он принадлежит к сонму бессмертных и что боги поручили ему заключить мир со Спартой (ст. 45 сл.). Там же некий пронырливый сутяга Эватл, тянущий в суд почтенного старца Фукидида, именуется «скифской пустошью» (ἡ Σκυθῶν ἐρημία), приравнивается к скифскому лучнику и, наконец, по отцовской линии сам причисляется к скифам (ст. 703 сл.). Во «Всадниках» колбасник Агоракрит рассказывает, как на заседании Совета Пятисот пританы и лучники стащили с трибуны его соперника кожевника Клеона, который «молот вздор» (ἐφλνίφα, ст. 663 сл.). В «Лисистрате» пробул (член высокой государственной комиссии) с целым отрядом скифских лучников пытается пробиться в захваченный женщинами Акрополь: он бранит лучников-протозеев, знающих только одно – «кабаки высматривать» (καπηλεῖον σκοπῶν), он

³² Böckh. Die Staatshaushaltung... Bd I³. S. 264.

³³ Сделано максимальное допущение. Для сравнения напомним, что затраты на экипировку афинского гоплита в конце VI в. до н.э. равнялись 30 драммам (Syll.³ I. № 13 = ML. № 14. ll. 8–10).

³⁴ Böckh. Die Staatshaushaltung... Bd. I³. S. 264.

³⁵ Для всех этих расчетов ср. также Plassart. Op. cit. P. 189.

³⁶ Версию о шнуре, вымазанном красной краской, можно найти, в частности, у Г. Глотца (Glötz G. Ekklesia // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. II. 1-ère partie. P. 520 со ссылкой на Г. Шёманна).

приказывает схватить предводительницу мятежных женщин Лисистрату и связать (а ниже еще раз – скрутить) ей руки за спину и т.д. (ст. 420 слл.).

Но более всего интересны и информативны соответствующие сцены в «Фесмофориадзусах». Вот притан со скифским лучником производит арест Еврипидова агента в женском собрании Мнесилоха:

Свяжи его,
Стрелок, забей в колодки! Здесь на площади
Мерзавца выставь! Сторожи внимательно!
А если подойдет кто, – плеть всегда с тобой.
Бей, сколько силы, всякого
(ст. 930 слл., пер. А.И. Пиотровского).

Далее со всеми подробностями описывается, как скиф забивает Мнесилоха в колодки (ст. 1001 слл.), как Эврипид и Мнесилох первый раз пытаются одурачить стражника, разыгрывая перед ним сцену Персея и Андромеды (с. 1083 слл.), и как, наконец, отвлекши внимание скифа девушкой-танцовщицей, Эврипид освобождает Мнесилоха и они оба убегают (ст. 1176 слл.). При этом, для вящего комизма, но, очевидно, и в соответствии с действительностью Аристофан заставляет говорить скифа-стражника на смешном, ломаном греческом языке, великолепно переданном в переводе А.И. Пиотровского.

Во всех этих сценках отчетливо выступает фигура скифа-полицейского, одетого, по всей видимости, в свой традиционный наряд и вооруженного луком, что следует из самого названия этих стражников (τοῦβοται) и подтверждается упоминаниями у Аристофана об особом носимом ими колчане (συμβήνη или, более правильно, σὺβήνη, Aristoph. Thesm. 1197, 1215, sum schol.)³⁷. Далее, они были снабжены небольшим мечом (ср. Aristoph. Thesm. 1126–1127) и бичом (ibid. 933–934 и др.). Последний был именно орудием полицейского воздействия, и его наличие у скифов не может служить указанием на возможность их кавалерийской службы³⁸. Последний вопрос ввиду полного отсутствия соответствующих свидетельств надо оставить открытым.

Аристофан подчеркивает примитивные черты скифа-стражника, его грубость, тупость и низменные инстинкты. Брутальность, по-видимому, и в самом деле была характерной чертой этих низших служителей, с готовностью вымещавших на других свою досаду на собственное ущербное состояние. И все же, в сравнении с жизнью обычных рабов их положение было лучше. Какие ни есть, а все-таки государственные служащие, они получали за эту службу жалованье (ср. свидетельство в Etym. Magn. S.v. δημοσιεύειν [быть государственным рабом]: «прислуживать в общественных делах за плату [ἐπὶ μισθῶι]»). То есть те три обола в день, о которых говорилось выше, выдавались им на руки, и, хотя это была самая малость, они могли распоряжаться ею по своему усмотрению. Напомним в этой связи, как в «Лисистрате» пробул попрекал скифского лучника за «высматривание кабака» (καπηλεῖον): надо думать, что этот «общественный служитель» обладал и средствами, и достаточной свободой для посещения таких заведений. Такое предположение соответствует тому, что нам вообще известно о положении рабов, состоявших на государственной службе в Афинах: они жили в более сносных условиях, могли обзаводиться собственным домом и пользовались относительной свободой (сошлемся на примеры Никомаха, против которого направлена 30-я речь Лисия, и Питталака, известного нам из речи Эсхина «Против Тимарха»)³⁹.

³⁷ Согласно древним грамматикам (см. Schol. Aristoph. 1. с.; ср. Pollux. VII. 153) основное значение слова σὺβήνη было αὐλοθήκη – «футляр для флейты», а побочное – τοῦβότηκη, φαρτρεῶν – «футляр для лука», «колчан». Слово редкостное, может внушать сомнения, и потому некоторые издатели Аристофана исправляют рукописное συ(μ)βήνη на не менее; впрочем, редкостное σὺβήνη (А. Meineke) или σὺβήνη (Th. Bergk) – «охотничье копье», «рогатина». Исправление не обязательное, и А.И. Пиотровский прав, придерживаясь в своем переводе рукописной версии (см. Аристофан. Комедии. Т. II. М. – Л., 1934. С. 295, 297).

³⁸ Здесь мы расходимся с А. Плассаром (op. cit., p. 194–195).

³⁹ Ср. также: Доватур. Ук. соч. С. 83.

На этой утешительной ноте мы и покончим с разбором сюжета о скифах-полицейских в Афинах. Однако этим не исчерпывается вся наша тема: помимо полицейских, нам известны в классических Афинах еще и другие рабы-скифы, принадлежавшие уже частным лицам. На так называемых Аттических стелах – каменных плитах со списками имущества, конфискованного у лиц, признанных виновными в преступлениях против религии в 415–413 гг. до н.э., – в составе проданных с торгов предметов наряду с другими рабами (*δούλοῦποδα*) трижды упоминаются скифы (I.42; VII. 7–8; fr. II, j, 17)⁴⁰.

В первом случае скиф фигурирует в группе из 16 рабов, конфискованных у метека Кефисодора. Рабы обозначаются этниконами без имен; среди них – пять фракийцев, три карийца, по два раба – иллирийцы и сирийцы, остальные – по одному (скиф, колх, каппадокиянка, лидиянка). При всех перечисляемых сохранились цифры, обозначающие торговую пошлину и стоимость раба. За скифа уплачено 144 драхмы; это – средняя цена; для сравнения укажем, что за одного из карийцев было уплачено 105 драхм, а за сирийцев – 240 и 301 драхма. Во втором случае сохранился перечень из шести рабов, в составе которых – два фракийца, два карийца, один скиф и еще один раб, чей этникон не сохранился. Рабы перечислялись с именами, часть которых является прозрачными кличками: кариец Стронгилион (*Στρογγυλίων* – «Кругляк»), другой кариец – Карион, скиф Симос (*Σίμος* – «Курносый»). Обозначений пошлины и стоимости не сохранилось. В третьем случае идет перечень пяти рабов, принадлежавших афинянину Аксиоху, сыну Алкивиада, из дема Скамбониды. Рабы перечисляются по именам с добавлением этниконов за одним исключением: раб по имени Дионисий стоит без этникона (не потому ли, что он был греком?). Из остальных рабов – три фракийца и один скиф, имя которого, однако, не сохранилось.

Как бы ни были скудны эти сведения, они позволяют сделать некоторые выводы. Они свидетельствуют, прежде всего, о наличии в Афинах рабов-скифов, принадлежавших частным лицам, и об их известной распространенности. Последнее, кстати, подтверждается и случайной, но именно поэтому в данной связи особенно ценной репликой Аристофана. В одноименной комедии Лисистрата, собираясь скрепить женское согласие клятвой, сопряженной с кровавым жертвоприношением, призывает к себе на помощь служанку: «Где эта скифянка (*ἡ Σκιθαία*)? Куда смотришь? Поставь перед нами щит изнанкой кверху, и пусть кто-нибудь даст мне жертву для заклятия» (*Lys.* 184–186). Реплика эта создает впечатление некоей обычности, элементом которой является и использование рабов-скифов в домашнем обиходе. Тем не менее те же данные Аттических стел свидетельствуют о том, что в количественном отношении рабы-скифы сильно уступали рабам из более близких Фракии и Кариин. Эти же страны – особенно Фракия – по большей части поставляли греческому миру и наемных солдат⁴¹. Ввиду этого использование Афинским государством для полицейской службы именно рабов-скифов выглядит достаточно эксцентричным. Но, возможно, привлекательность такой практики для афинского полиса заключалась именно в особой чужеродности скифов, делавшей их весьма удобным инструментом для акций принуждения в отношении собственных граждан. Дополнительным стимулом к тому, естественно, могла служить и относительная дешевизна рабов из Скифии.

⁴⁰ Издания Аттических стел: части 1-й стелы с перечнем рабов – *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3 (далее – МИС). С. 231 слл. № 70. С. 290 сл.; всех целиком – *Pritchett W.K., Amyx D.F.* The Attic Stelai. Pt I–III // *Hesperia*. 1953. XXII. № 4. P. 225–299 (pt I); 1956. XXV. № 3. P. 178–328 (pt II); 1958. XXVII. № 3. P. 163–254; № 4. P. 255–310 (pt III); дополнение – *Pritchett W.K.* Five New Fragments of the Attic Stelai // *Hesperia*. 1969. XXX. № 1. P. 23–29. Перевод см. в нашем издании Андокида. (Речи. С. 156–190, 192–195). Специальное исследование о рабах в аттических стелах: *Клячко Н.Б.* Стелы гермокопидов как источник сведений о рабах в V в. до н.э. // ВДИ. 1966. № 3. С. 114–127.

⁴¹ О широком использовании карийских наемников в Элладе свидетельствует Страбон (XIV. 2. 28. P. 662), об использовании фракийских наемников для времени Пелопоннесской войны важны свидетельства Фукидида (IV. 129. 2; V. 6. 2. 4; VII. 27. 1–2, 29–30). О фракийцах ср. также *Best J.G.P.* Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. Groningen, 1969.

Как бы то ни было, созданная, по-видимому, на волне успехов Афинского государства в 70-х годах V в. до н.э., полицейская служба рабов-скифов не пережила краха Афинской державы в конце этого столетия. С потерей Афинами дополнительных источников доходов они лишились и возможности содержать эту находившуюся целиком на содержании государства, весьма дорогостоящую (по масштабам одного, пусть даже крупного, города) внутреннюю охрану; во всяком случае, в следующем IV столетии о скифах-полицейских в Афинах практически ничего уже не слышно. Последние по времени упоминания об этих стражах порядка встречаются у писателей IV в. Платона и, может быть, Ксенофонта, однако в контекстах, связанных с деятельностью Сократа, т.е. приуроченных к концу предыдущего столетия (ср. Plat. Prot. 319 с; Xen. Mem. III. 6. 1)⁴².

Мы исчерпали, таким образом, материал, непосредственно относящийся к нашей теме. Однако, прежде чем поставить окончательную точку, надо коснуться еще одного вопроса и соответственно еще одной группы данных, которые некоторыми исследователями ставятся в прямую связь с темой скифских полицейских в Афинах. Мы имеем в виду ряд афинских надписей V в. до н.э., где содержатся упоминания о стрелках (τοξῆται) на афинской службе. Таких надписей, по подборке Б.Н. Гракова, восемь⁴³, и мы распределим их по трем тематическим группам.

Во-первых, надписи с упоминаниями о разных видах службы этих стрелков: в постановлении об Эрифрах около 465 г. в заключительных, правда, сильно испорченных строках в связи с гарнизонной службой афинян в этом городе читаются слова «токсарха афинян» (τὸν τόξασαρχὸν τῶν Ἀθηναίων) и «лучников десять» (τοξοβίας δέκα) (IG. I². № 10 = Syll.³ I. № 41, l. 39, 42); в постановлении о взносах на содержание святилища Аполлона (около того же времени) предписывается вносить всадникам по две драхмы, гоплитам – по драхме, а «лучникам – гражданам и чужеземцам – по три обола в год от обусловленного договором жалованья» (τὸς τοξοβίας τὸς ἀστ[ὸς καὶ τὸς χσένος τρ]ῆς ὀβολὸς τῷ ἐν[αυτ]ῷ ἀπὸ τῷ ὁμολογούμενο μισθῷ), причем собирают эти взносы «демархи от демотов, записанных в гражданский список, а токсархи – от лучников» (ἐκπρ[ατ]τόντων δὲ οἱ δέμαρχοι παρὰ τῶν δεμ[ο]τῶν) (τῶν) ἐς τὸ λεχσιарχικὸν γραμματ[εῖον] γραφέντων, οἱ [δὲ] τόξασαρχοι παρὰ τῶν τοξοτ[ῶ]ν) (IG. I². № 79); в постановлении о ремонтных работах на Акрополе около 447 г. в конце определяется, что «стражами (при этом) быть трем лучникам от филы, исполняющей обязанности пританов» (φύλακας δὲ [ἐ]ναὶ τρεῖς μὲν τοξοβ[ί]ας ἐκ τῆς φυλῆς τῆς [π]ρυτανευούσας) (IG. I². № 44 = Syll.³ I. № 62); наконец, в одном из постановлений о снаряжении экспедиции в Сицилию в 415 г. в одной из сильно поврежденных строк восстанавливается «лучников пятьсот» (τ[ο]ξοβίας π[εν]τακοσίος) (IG. I². № 99. l. 6).

Во-вторых, списки павших воинов, среди которых есть упоминания и о лучниках: в специальном списке филы Эрехтеиды около 459 г. в конце первого столбца значатся «лучники (τοξοβῆται) Фрин, Тавр, Феодор, Алексимах» (IG. I². № 929 = Syll.³ I. № 43 = ML. № 33. ll. 67–70); в общем перечне павших около 425/4 г. во второй половине второго столбца между «вписанными» (ἐνγραφοί), под которыми надо понимать метеков, внесенных в список гоплитов⁴⁴, и «чужеземцами» (χσένοι) значатся «лучники Филипп, Навпакт, Дексий, Мнесагор, Гераклид, Герофил, Онесим, Гиерокл, Анакси[...]» (IG. I². № 949 = Syll.³ I. № 77); наконец, в перечне павших в битве при Киносеме в 412/1 г. стоят «лучники-соратники (πάρεδροι) Сострат» (и другие, чьи имена не сохранились) (IG. I². № 950).

К последней группе мы отнесем текст союзного договора афинян с аргивянами, мантинейцами и элейцами, где содержится упоминание о том жалованье, которое госу-

⁴² Ср. Waszynski. Op. cit. P. 37; Plassart. Op. cit. P. 193; Hommel. Toxotai 2. Sp. 1858.

⁴³ Граков. МИС. № 71–78. С. 291–294.

⁴⁴ «Inquilini hoplitarum catalogo inscripti» (Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. III. V. I. Lpz, 1915. № 77. P. 97. Not. 1, со ссылкой на А. Бёка).

дарство, испросившее помощь, обязано будет, в случае использования войска долее обусловленного срока, предоставлять присланным воинам: «Пусть дает на содержание гоплиту, легковооруженному (φιλῶν) и лучнику по три эгинских обол на каждый день, а всаднику – эгинскую драхму» (IG. I². № 86. II. 24–25; ср. Thuc. V. 47. 6)⁴⁵.

Некоторые исследователи относят всю эту информацию на счет скифских лучников, использовавшихся в Афинах в качестве полицейских. При этом ссылаются, во-первых, на то, что (цитируем Б.Н. Гракова) «термин "стрелки" равнялся в просторечии термину "скифы", а затем и на то, что среди имен упомянутых в надписях лучников встречаются такие, которые указывают на скифов (например Тавр) или рабов (Дексий – Δέξιος [похоже на кличку "Ловчак"], Навпакт [имя по названию города]). Отсюда делается вывод, что "стрелки надписей хотя бы отчасти – те же наемники и рабы"⁴⁶. Однако эти аргументы не могут быть признаны основательными: умозаключения на основании имен, как мы уже видели на примере вазописцев Скифа и Брига, – дело сомнительное, а ссылка на приравнивание терминов в просторечии вообще бьет мимо цели, поскольку в данном случае мы имеем дело не с просторечием, а с языком официальных актов.

Напротив, можно без труда привести доказательства в пользу того, что лучники афинских надписей не были даже частично рабами-скифами. Во-первых, они нигде выразительно так не названы. Во-вторых, в своей службе и по жалованью они приравниваются к прочим афинским воинам. В-третьих, в постановлении о взносах на содержание святилища Аполлона точно обозначены две их категории – граждане (δοτοί) и чужеземцы (χρῆνοι), из чего следует, что если отчасти они могли быть наемниками, то, по крайней мере, отчасти они должны были быть и гражданами. Равным образом лучников, упомянутых в списке погибших от филы Эреختهиды (Ἐρεχθεΐδος οἶδε), естественнее всего считать гражданами⁴⁷, о которых говорится в постановлении о ремонтных работах на Акрополе⁴⁸. Наконец, кажется просто невероятным, чтобы рабов-скифов могли использовать для таких ответственных военных дел, как гарнизонная служба в подчиненном городе (в Эрифрах) или участие в далекой заморской экспедиции (в Сицилию)⁴⁹.

Если, таким образом, неверно видеть в афинских лучниках, упоминаемых в эпиграфических документах, рабов-скифов⁵⁰, то, с другой стороны, эти упоминания отлично согласуются с свидетельствами античной литературной традиции о лучниках, так сказать, нормального, свободного статуса в составе афинской армии. Впервые они засвидетельствованы для времени Греко-персидских войн – для 480 и 479 гг. Плутарх, характеризуя силы афинян при Саламине, сообщает: «Аттических кораблей было сто восемьдесят; на каждом из них было по восемнадцати человек, сражавшихся с палубы; из них четверо были стрелки, а остальные – гоплиты» (Them. 14. 2). Таким образом, на корабли было посажено 2520 гоплитов и 720 лучников. В следующем году, во время операций против Мардония в Беотии, афиняне также имели в составе своей армии лучников: Геродот рассказывает об их отважных действиях при Эрифрах и Платеях (IX. 21–22, 60). Причем из контекста следует, что это были не какие-то

⁴⁵ Счет ведется на эгинские драхмы, имевшие большее хождение в Пелопоннесе. При этом надо принять во внимание, что эгинская драхма как более тяжелая (6,07 грамма серебра против 4,36 грамма в аттической драхме), приравнивалась примерно к восьми аттическим оболам. См. комментарий С.А. Желёва в кн.: Фукидид. История. Т. II. М., 1915. С. 293 (к V. 47. 6); ср. также Зограф А.Н. Античные моменты (МИА. № 16). М.–Л., 1951. С. 42–44.

⁴⁶ Граков. МИС. С. 291.

⁴⁷ Ср. Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1969. № 33. P. 76.

⁴⁸ Ср. Wilamowitz-Möllendorff U. Aristoteles und Athen. Bd II. B., 1893. S. 202. Anm. 5; Syll³. I. № 62. P. 76. Not. 5; Reinach A.J. Sagittarii I // Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. IV. 2-ème partie. P. 1002–1003; Hommel. Toxotai 2. Sp. 1857.

⁴⁹ Ср. Куморга. Указ. соч. С. 326; Busolt, Swoboda. Op. cit. Bd II. S. 979, Anm. 4; Hommel. Toxotai 2. Sp. 1858.

⁵⁰ Waszynski. Op. cit. P. 30. Not. 23; Plassart. Op. cit. P. 194–201; Oehler. Skythai 2. Sp. 692.

наемники, но именно афинские воины. Естественно предположить, что этот корпус афинских лучников был сформирован накануне решающих столкновений с персами, в те же годы (482–481), когда реорганизации и расширению подверглись все вооруженные силы Афинского государства – и флот, и армия⁵¹.

Позже, по свидетельству Андокида, уже в разгар раздоров со Спартой, по заключении 30-летнего перемирия (446/5 г.), афиняне реорганизовали и расширили мобильные части своей армии: «Мы организовали (κατεστήσαμεν) новые корпуса из тысячи двухсот всадников и такого же числа лучников» (And. III. 7 = Aeschin. II. 174). Хотя у оратора есть очевидная перекличка этого сообщения с предыдущим – о создании отрядов из 300 всадников и 300 скифских лучников (III. 5), – все же и контекст нового отрывка, и употребление в нем для обоих формирований одного, общего глагола «организовали» (κατεστήσαμεν), а не двух различных – «организовали» (κατεστήσαμεθα) и «купили» (ἐπρίσαμεθα), как это было в первом пассаже, говорят в пользу того, что здесь надо иметь в виду именно реорганизацию и увеличение корпуса регулярных стрелков⁵². Чуть позже численность этих афинских лучников возросла еще более и к началу Пелопоннесской войны (431 г.) достигала уже 1600 человек, о чем согласно свидетельствуют Фукидид (II. 13. 8) и Аристотель (Ath. pol. 24.3).

Фукидид, излагая историю Пелопоннесской войны, не раз упоминает об афинских лучниках: они присутствуют в составе экспедиции против Пелопоннеса в 431 г. (II. 23. 2. [400 стрелков]), у Демосфена при Эгиптии в Этолии в 426 г. (III. 98), у того же Демосфена при Ольпе в Амфилохии в том же году (III. 107. 1 [60 стрелков]), у Клеона и Демосфена при Сфактерии в 425 г. (IV. 28. 4; 32. 2; 36. 1 [400 стрелков]), у Никия и Никострата в составе экспедиции против Менды и Скионы во Фракии в 423 г. (IV. 129. 2 [600 стрелков]), у Алкивиада в Пелопоннесе в 419 г. (V. 52), в составе экспедиции против Мелоса в 416 г. (V. 84. 2 [300 стрелков]), в составе экспедиции в Сицилию в 415 г. (VI. 25. 2; 43. 2 [400 стрелков]), в составе корпуса Демосфена, посланного на помощь Никию в Сицилию в 413 г. (VII. 42. 1). И лишь в конце войны, в связи со страшными людскими потерями афинян они сходят со сцены, и на их место заступают наемные стрелки-чужеземцы⁵³.

Несколько слов скажем еще об организации службы этих регулярных афинских лучников. По-видимому, они комплектовались главным образом из фетов – вывод, который напрашивается из местоположения имен стрелков в конце списка погибших из филы Эрехтеиды (IG. I². № 929); или из фетов и метеков вместе, – вывод, который подсказывается как положением их имен в другом списке между «вписанными» в каталог гоплитов метеками и чужеземцами (IG. I². № 949), так и необычным – не станем этого отрицать – характером некоторых из этих имен⁵⁴. Подразделялись они, в соответствии с комплектованием их по филам, на 10 отрядов во главе с токсархами (ср. IG. I². № 929 и 44; о токсархе также – Thuc. III. 98)⁵⁵. Их экипировка была, очевидно, греческого типа, и они носили колчан не у левого бедра, как скифы, а за спиной⁵⁶. Их жалованье, как и у всех вообще легковооруженных, составляло 3–4 оболы в день (IG. I². № 86 = Thuc. V. 47. 6).

Завершая наш очерк, напомним о его главной цели: показать роль варварского, скифского элемента в жизни ведущего греческого полиса – Афин. Материала,

⁵¹ Waszynski. Op. cit. P. 30. Not. 23. Sagittarii I. P. 1002; Plassart. Op. cit. P. 195–196; Lamert F. Toxotai I // RE. 2. Reihe. Bd VI. Hlbd 12. 1937. Sp. 1854.

⁵² Waszynski. Op. cit. P. 29–31; Plassart. Op. cit. P. 197. Согласно другому толкованию слова «такого же числа лучников» (τοῦσθας τοσούτους ἑτέροισ) относятся к упомянутым у Андокида ранее (в параграфе 5) скифам и могут означать либо их новое формирование в таком же количестве, что и всадники, т.е. численностью в 1200 человек (Böckh. Die Staatshaushaltung... Bd I³. S. 263 f.; Caillemer. Demosioi. P. 91), либо же просто их удвоение, т.е. повышение их численности с 300 до 600 человек (Hommel. Toxotai 2. Sp. 1856).

⁵³ Plassart. Op. cit. P. 199.

⁵⁴ О вероятном комплектовании этих лучников из числа фетов и метеков ср. *ibid.*, p. 200–201.

⁵⁵ *Ibid.* P. 200.

⁵⁶ *Ibid.* P. 201–202.

связанного с этой темой, набирается довольно много, и уже по одному этому можно судить о том, сколь заметный след оставило присутствие скифов в жизни древних Афин, независимо от того, в какой именно форме – в фантазии или в действительности – оно, это «присутствие», являлось. Трудно решить, как обстояло дело в этом плане в архаическое время: действительно ли скифские лучники находились на службе афинских тиранов, или их экзотическая экипировка была использована младшими соратниками голплитов – гиперетами, или же и вовсе это был всего лишь один из сюжетов аттической вазописи, заимствованный из ионийской традиции? Выбрать здесь с уверенностью какую-то одну версию весьма непросто.

Переходя к классическому времени, мы вступаем на более твердую почву письменных литературных и эпиграфических свидетельств. Мы видим широкое распространение рабства в Афинах и в этом общем русле – использование рабов из далекой Скифии. Рабы-скифы встречаются в составе собственности частных лиц, и они же состоят на службе у Афинского государства, которое, признавая необходимость полицейской службы, но не желая использовать для этого собственных граждан, переложило это малопочтенное дело на специально приобретенных для такой цели невольников.

Отличное историческое и психологическое разъяснение этому феномену дал в свое время Фридрих Энгельс, словами которого мы и хотели бы закончить наш этюд: «По отношению к гражданам публичная власть первоначально существовала только в качестве полиции, которая так же стара, как государство, поэтому простодушные французы XVIII в. и говорили не о народах цивилизованных, а о народах полицезированных (*nations policiées*). Афиняне учредили, таким образом, одновременно со своим государством также и полицию, настоящую жандармерию из пеших и конных лучников – ландъегерей, как их называют в Южной Германии и в Швейцарии. Но эта жандармерия формировалась из *рабов*. Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь унижительной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному рабу, лишь бы самому не заниматься таким позорным делом. В этом сказывался еще образ мыслей древнего родового быта. Государство не могло существовать без полиции, но оно было еще молодо и не пользовалось еще достаточным моральным авторитетом, чтобы внушить уважение к занятию, которое бывшим членам рода неминуемо должно было казаться гнусным»⁵⁷.

SCYTHIANS IN ATHENS

E.D. Frolov

Relations with the barbarian periphery should be considered one of the most important aspects of history of the ancient world. It is well-known that the building and existence of the ancient civilization to a considerable extent depended on the barbarian world whereto ancient states exported their excessive agrarian population, to say nothing of the unequal trade exchange by means of which ancient cities received material resources necessary for their development.

A peculiar manifestation of the interaction of antiquity with the barbarian world can be observed in Athens in whose life both in the archaic and in the classical periods the Scythian element was quite noticeable. In the archaic period Scythian presence was reflected in a theme, popular in the Attic vase painting, i.e. representation of Scythian archers. Portrayals of those archers should not be interpreted as evidence of the use of Scythian mercenaries by Athenian tyrants in the VI c. B.C. Rather one should see this as an example of artistic interest of Athenian craftsmen in Scythian peoples whom they were familiar with through the Ionian tradition and directly thanks to the development of ties with the Northern Black Sea area. On the contrary, in the classical epoch one should speak about Scythian presence not in the figurative sense, but quite literally, since there were quite a few Scythian slaves there both privately owned and in state employ where they served as policemen. The use by the Athenian democratic state in

⁵⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961. С. 118 слл.

the Vth c.B.C. of Scythian slaves as custodians of public order is a notable fact shedding light on the ideology and mentality of the ancient (in our case Athenian) civic society which chose to place the far from prestigious duties of policemen not on their fellow-citizens, but on barbarian slaves who had reputation for cruelty and primitive nature. Those slave-arches should be distinguished from the free archers who were not policemen, but solidiers.

© 1998 г.

Ю.Н. Литвиненко

СОСТРАТ КНИДСКИЙ, ПТОЛЕМЕЙ И ЗАХВАТ МЕМФИСА: ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ*

Лукиан Самосатский начинает свою речь «Гиппий, или Баня» с утверждения, что истинными знатоками следует считать тех, кто свои знания подкрепляет конкретными делами. Мастера только на словах – скорее софисты, чем настоящие мудрецы¹. Автор этой эпидиктической речи, являющей собой «забавный пример изящества и претенциозности софистики второго века»², не скрывает негативного отношения к литературно-философскому течению, породившему его собственное творчество. Элога Гиппию, современнику Лукиана, одновременно искусному оратору, преуспевшему в точных науках ученому и талантливому архитектору, воплотившему свои знания в построенной им замечательной бане, описанию которой собственно и посвящено данное сочинение, предваряется упоминанием нескольких имен других мастеров, предшественников Гиппия, как и он претворявших в жизнь свои профессиональные знания. Наряду с Архимедом, Фалесом Милетским и Эпеем Фокидским Лукиан называет Сострата Книдского, который «без осады захватил Мемфис для Птолемея, повернув и разделив реку»³. Именно об этом эпизоде и его персонажах пойдет дальнейшая речь.

Как ни странно, рассматриваемый отрывок, несмотря на уникальность содержащейся в нем информации (этот эпизод из истории птолемеевского Египта упоминается только у Лукиана), до сих пор не получил удовлетворительного объяснения в исследовательской литературе, хотя на него обычно ссылаются, когда речь заходит о знаменитом Сострате Книдском, чье имя прежде всего связано с Александрийским маяком – одним из семи чудес света⁴. Немногочисленные комментарии к отрывку, как

* Идея этого исследования возникла во время моих занятий в Центре египтологии и папирологии Трирского университета в октябре–ноябре 1996 г., куда я был приглашен профессором Хайнцем Хайненом. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить его за постоянные поддержку и помощь, которые он мне оказывал в Трире. Настоящая статья представляет собой первую часть моего исследования о Сострате Книдском, сатрапе Птолемея и захвате Мемфиса, в которой поднимаются вопросы датировки данного события.

¹ Luc. Hipp. 1–3. Литература об этом произведении незначительна, специальные исследования о нем мне неизвестны; из последних общих работ о Лукиане, в которых оно вкратце рассматривается, см. *Vompaire J. Lucien écrivain. Imitation et création. P., 1958. P. 727 suiv.; Jones C.P. Culture and Society in Lucian. Camb. Mass., 1986. P. 155.*

² *Croiset M. La vie et les oeuvres de Lucien. P., 1882. P. 44.*

³ Luc. Hipp. 2: «τὸν Κνίδιον Σώστρατον, τὸν μὲν Πτολεμαίῳ χειρωσάμενον [καὶ] τὴν Μέμφιν ἀνευ πολιορκίας ἀποστροφῆ καὶ διαίρεσει τοῦ ποταμοῦ». Цит. по последнему франц. изд. Лукиана: *Lucien. Oeuvres. T. I / Ed. J. Vompaire. P., 1993.*

⁴ Из литературы о Сострате Книдском назову лишь те работы, где приводится наиболее полная подборка источников о жизни и карьере этого человека, включая «мемфисский эпизод»: *Perdrizet P. Sostrate de Cnide: Architecte du Phare // REA. 1899. 4. P. 261–272; OGIS. I. 66. Not. 1; Heichelheim F. // RE. Suppl. VII. 1940. Kol. 1221–1222. № 11a; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Oxf., 1972. V. I. P. 18–20; V. II. P. 48–54. Not. 104–121; Shear T.L. Kallias of Sphettos and the Revolt of Athens in 286 B.C. // *Hesperia. Suppl. XVII. Princeton,**